

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Богомолова Игоря Константиновича
«Цензура в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 годов)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Цензура в России существует несколько столетий. Автор сосредоточился на периоде Первой мировой войны, причем в качестве верхней границы исследования определил март 1918 г. Это нельзя не приветствовать. Обычно в качестве конечной даты изучения какого-либо института или процесса начала XX в. историки России выбирают Февральскую революцию. В итоге их исследования искусственно обрываются и страдают неполнотой. Выбранные автором хронологические рамки дали ему возможность осветить практически неизученный переходный период от российской к советской цензуре (март 1917 – март 1918 гг.). Это позволило автору впервые рассмотреть цензурную политику большевиков в конце 1917 – начале 1918 г. не отдельно от предшествовавшего периода, а в контексте трансформации институтов цензурного контроля, унаследованных еще со времен существования монархии. Такой подход отличается несомненной научной новизной.

Особую научную актуальность работе И.К. Богомолова придает тот факт, что в качестве предмета исследования выбрана не только государственная цензурная политика, но также практики самоцензуры. Здесь следует отметить, что феномен самоцензуры применительно к истории российского общества практически не исследован, особенно на материалах периода революции.

Методологический раздел введения строен, логичен и показывает, что автор имеет вкус и способности к теоретизированию. Добротная историографическая часть введения демонстрирует прекрасное знакомство диссертанта с литературой по теме исследования, в том числе и новейшей.

Причем привлечены были не только труды, собственно, по истории цензуры, но также и работы, касающиеся прошлого российской печати, и вообще практически вся литература, пусть даже косвенно относящаяся к проблематике диссертации.

Диссертация И.К. Богомолова опирается на широкую и разнообразную источниковую базу. Заслугой автора является введение в научный оборот исторических источников не только из центральных, но и местных, а также зарубежных архивов. Все виды источников систематизированы, и им дана исчерпывающая характеристика, что особенно важно для научно-квалификационной работы.

Автором вынесено на защиту девять положений. В качестве недостатка нужно указать, что при их формулировке диссертант, на взгляд оппонента, проявил излишнее многословие. Читателю легче было бы воспринять суть положений, выносимых на защиту, при более лаконичном их изложении. Тем более, что некоторые элементы названных положений в защите, собственно, не нуждаются в силу своей очевидности.

Это относится, в частности, к положению № 1, констатирующая часть которого («К началу XX в. цензура в России представляла собой разветвленную структуру, предназначенную для контроля за печатью, театром, кинематографом, речами и докладами. Исторически основную роль в области цензуры играло Министерство внутренних дел...» и т.д.) представляется излишней.

А вот тезис положения № 1 о том, что в результате революции 1905 г. «предварительная цензура была отменена, однако фактически продолжала существовать, чему в немалой степени способствовало сохранение действия на большей части империи режима усиленной (чрезвычайной) охраны, дававшего местным властям широкие полномочия», оппонент считает необходимым оспорить. На самом деле ни у губернаторов, ни у полицмейстеров не было никакой возможности предварительно (то есть до

публикации) цензурировать печатные издания. Автор, очевидно, не увидел разницы между предварительной и карательной цензурой (штрафы и другие репрессивные меры, применяемые после публикации «крамольного» текста). Во всяком случае, никаких примеров предварительного цензурирования губернаторами печатных изданий мы в тексте не обнаружили.

Положение № 2 (о разработке нового «Положения о полевом управлении войск» и «Положения о военной цензуре») не вызывает возражений. Оно опирается на материалы второго параграфа первой главы, при написании которого автор ввел в научный оборот много ценного фактического материала из документов РГВИА.

В третьем из выносимых на защиту положений диссертант дает характеристику практическому применению введенного в действие 20 июля 1914 г. «Временного положения о военной цензуре». Он выяснил, что основным источником цензурных кадров стали комитеты и инспекции по делам печати, почтово-телеграфные конторы и отделения, уездные исправники, полицмейстеры и жандармы, сохранившие основное место работы и прежнее ведомственное подчинение. Это двойное подчинение цензоров стало причиной конфликтов военных и гражданских властей по кадровым, хозяйственным и финансовым вопросам и разбалансировки военно-цензурной системы. Изложенный вывод не вызывает вопросов и возражений.

Естественно, ключевое значение для автора имел вопрос о почтово-телеграфной цензуре в годы Первой мировой войны. Для исчерпывающей характеристики этой темы И.К. Богомолов привлек огромный объем архивного материала. Ряд приводимых им фактов имеет ценность не только для истории цензуры, но важен и в контексте изучения общих проблем политической истории России в данный период (выявление фактов вскрытия писем Николая II, румынских короля и королевы). Дополнительным штрихом к портрету министра иностранных дел С.Д. Сазонова являются сведения о том,

что он негодовал из-за вскрытия частной переписки французского посла М. Палеолога. Значительный интерес вызывает информация о том, что в ноябре 1915 г. «черному кабинету» при тифлисской почтово-телеграфной конторе были выделены дополнительные средства на перлюстрацию писем наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича, а также его окружения.

Не вызывает возражений четвертое положение, выносимое на защиту. Действительно, предварительная цензура печати формально вводилась только для контроля материалов оборонного характера, однако в условиях широкомасштабной войны провести границу между собственно военной тематикой и обсуждением политических и экономических вопросов оказалось невозможно. Да правительство и не стремилось это сделать, на практике наделив цензуру фактически неограниченными полномочиями. Противоречивые решения цензоров, «белые пятна» на газетных полосах, как справедливо констатирует автор, «усиливали распространение всевозможных слухов и подрывали доверие к официальной информации».

Сильной стороной диссертации И.К. Богомолова является удачная разработка гендерной проблематики. В пятом из выносимых на защиту положений он отмечает, что хронический дефицит кадров цензоров восполнялся в том числе за счет найма женщин. Указанное положение опирается на шестой параграф первой главы диссертации «Женщины в военно-цензурной системе: от “переводчиц” к цензорам», отличающийся несомненной новизной.

Шестое положение касается предварительной цензуры театральных постановок и кинолент. Оно опирается на выводы главы 4. Представляется, однако, что материал этой главы логичнее было бы рассмотреть в рамках общей главы о предвоенной цензуре.

Свежестью и новизной отличается седьмое положение, выносимое на защиту. Автор справедливо отмечает, что несмотря на формальную отмену

политической цензуры после Февральской революции, военно-цензурная система в основе своей сохранилась. Более того, в качестве субъекта цензурной политики заявляют о себе Советы, считавшие себя вправе закрывать «контрреволюционные» издания, регулировать репертуар театра и кино. Очень интересны сюжеты о распространении низовой – «самовольной» – цензуры на местах.

Рассматривая цензурную политику Временного правительства (восьмое из выносимых на защиту положений), автор заявляет о «восстановлении» предварительной цензуры. На взгляд оппонента, этот тезис нуждается в дополнительном обосновании.

В девятом положении, выносимом на защиту, диссертант утверждает, что цензурная политика большевиков после прихода к власти строилась прежде всего на установлении контроля за средствами печати. По мнению оппонента, здесь нужно было привести конкретные примеры форм такого контроля.

В целом диссертация И.К. Богомолова производит благоприятное впечатление, хотя и не свободна от небольших недостатков. В частности, хотелось бы, чтобы автор более глубоко погружал в исторический контекст почерпнутые из архивных дел факты, проверяя и дополняя их по другим источниками, прежде всего по данным прессы. Это позволило бы ему более четко определять причинно-следственные связи событий и отделять главное от второстепенного.

Возьмем, например, очень интересный сюжет из главы третьей, где автор описывает взаимодействие цензурных структур и МИД. Суть его в том, что дипломаты просят цензоров пропустить в печати без сокращений речь депутата Милюкова. В этом контексте диссертант приводит три основных, на его взгляд, положения выступления лидера кадетов (критика «циммервальдцев», то есть противников войны, призыв к продолжению войны до «полного крушения германского милитаризма», упоминание об

«оформленном в марте–апреле 1915 г. Англо-франко-русском соглашении, решавшем Восточный вопрос и передававшем России Константинополь и Проливы».

Автор называет три этих тезиса в одном ряду и ни на одном из них не делает акцента. Поэтому у читателя создается впечатление, что все три послы Милюкова были одинаково важны для российского МИДа.

Однако, если бы соискатель более глубоко погрузился в исторический контекст событий марта 1916 г., то он узнал бы, что как раз в это время в Петрограде шли переговоры, в которых участвовали российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов, а также послы Великобритании и Франции Дж. Бьюкенен и М. Палеолог. Их предметом была будущая судьба Ближнего Востока, в том числе и черноморских Проливов вкупе с Константинополем. Причем как раз в марте 1916 г. в Петроград прибыли главные разработчики будущего соглашения – Марк Сайкс и Франсуа Жорж-Пико. Из этих фактов диссертанту нетрудно было бы сделать вывод о том, что речь Милюкова, как авторитетного на Западе лидера либеральной оппозиции, была ценна для российского МИДа прежде всего прозвучавшим в ней тезисом о претензиях России на Константинополь и Проливы, которые тем самым выдвигались не только со стороны правительства, но и общественности и, поэтому, приобретали характер общенациональной позиции.

Можно привести еще один пример сюжета, требующего развития. Диссертант сообщает очень интересную информацию о том, что в изданном в мае 1915 г. сборнике «Эти дамы» было напечатано стихотворение «Мир во что бы то ни стало» и цензоры постановили изъять книгу из продажи. Читатель, конечно, ждет более развернутой характеристики данного нетривиального сюжета. По крайней мере, информация об издателях сборника, авторе стихотворения, общественной (газетной) реакции на произошедшее явно не помешала бы.

На с. 13 второго тома автор излагает выступление на заседании Петроградского цензурного комитета Сергея Евлампиевича Виссарионова, выступавшего за закрытие газеты «День». Разумеется, здесь нужно было не просто пересказать архивное дело, но сообщить читателю, что Виссарионов был старшим военным цензором Петроградской Военно-цензурной комиссии, а ранее занимал должность вице-директора Департамента полиции. Представляется, что диссертация только выиграла бы, если бы разбросанный по разным ее страницам материал о Виссарионове был бы сведен воедино, а этому историческому деятелю заслуженно и оправданно была бы дана развернутая характеристика.

Кроме того, диссертант должен был выяснить дальнейшую судьбу газеты «День» и, узнав, что она, несмотря на «крайне оппозиционное, противоправительственное направление», благополучно пережила всю Первую мировую войну, сделать соответствующий вывод.

В уже упоминавшихся сюжетах, связанных с вскрытием писем Николая II, румынских короля и королевы, следовало бы выяснить, кто дал соответствующее распоряжение. То же самое касается информации о том, что в ноябре 1915 г. «черному кабинету» при тифлисской почтово-телеграфной конторе были выделены дополнительные средства на перлюстрацию писем наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича. Здесь читателю, конечно, важны пояснения о том, кем и на каком основании эти средства выделялись.

В связи с этим напрашивается мысль о необходимости особого рассмотрения в диссертации вопроса о вмешательстве монарха, министров и так называемой «камарильи» в работу цензуры. Тем более, что разрозненные примеры подобного воздействия на цензурное ведомство в диссертации есть (автор, например, указывает, что Николай II лично запретил публиковать в «Вечернем времени» карикатуру «Суд над Вильгельмом, Францем-Иосифом и кронпринцем», взятую из английской газеты).

Это же касается и вопроса о мире с Германией. Целенаправленно ли «охотилась» цензура за материалами на указанную тему, выискивала ли миротворческий смысл между строк или подходила к данной теме формально – ответить на эти важные вопросы можно было, распределив материал не по хронологическому, а по проблемному принципу.

60 раз в диссертации упоминается имя Г.Е. Распутина, но не в одном месте, а во многих. Между тем, сконцентрировав соответствующие примеры в одном месте, автор мог бы выявить ряд особенностей работы цензуры в годы Первой мировой войны.

В общем хотелось бы видеть в диссертации не просто нарратив, основанный на пересказе архивных дел, а группировку фактов и их анализ с приведением соответствующей статистики.

Впрочем, указанные замечания имеют скорее характер пожеланий. Они не умаляют общую высокую оценку диссертации И.К. Богомолова как добротного научно-квалификационного сочинения, показывающего высокий уровень автора как специалиста-историка и исследователя.

В заключении отзыва отметим, что автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Диссертация Богомолова Игоря Константиновича отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, Богомолов Игорь Константинович заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры зарубежного регионоведения
и локальной истории Института международных
отношений и мировой истории

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

ПОДП

Селезнев Федор Александрович

6 апреля 2026 г.

НИГУ

Контактные да

тел.: +7-831-462-30-03, e-mail: feleznev@imomi.unn.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

07.00.02. Отечественная история

Адрес места работы:

Тел.: +7-831-462-30-03, e-mail: imomi@imomi.unn.ru

603022, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23